

Бунчук Т. Н. Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова *время* / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 21—32. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32.

Bunchuk, T. N. (2017). Traditional World-View in Dialect Semantics of Russian Word *время*. *Nauchnyy dialog*, 8: 21-32. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'282+39:115

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32

Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова *время*

© Бунчук Татьяна Николаевна (2017), orcid.org/0000-0001-7597-2726, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), tnbunchuk@mail.ru.

Рассматривается общерусская лексема *время* и производные от нее в говорах русского языка. Автор исходит из того, что семантические объемы слова, известного литературному языку, и его диалектных аналогов могут быть не тождественны в силу разных дискурсивных условий, формируемых культурой. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием в современном языкознании к проблемам отражения в языке народной культуры, а также к вопросам диахронического описания словарного состава русского языка и истории отдельных слов. На основе анализа лексико-семантических вариантов слова *время*, а также значений слов с корнем *-врем-* в русских говорах уточнено понимание времени в народной культуре. Сообщается, что слово *время* в народном понимании называет не весь период жизни человека от рождения до смерти, а только период биологической зрелости, связанный со способностью к продолжению рода. Доказано, что период зрелости в народной культуре и языке оценивается как период благополучия, который становится основой для представления о норме в человеческой жизни и ориентиром в осознании жизненного «пространства» человека. Установлено, что семантика общерусского слова *время* аккумулировала древнейшие этимологические значения слов *год* и *пора*.

Ключевые слова: диалект; общерусское слово; народная культура; картина мира; семантика; время; год; пора.

1. Вопрос семантического тождества диалектного и литературного слова

Русский литературный язык и диалекты, являясь формами существования единого национального языка, имеют общий лексический фонд,

представленный общерусскими словами. Составляя ядро национального языка, общерусские слова, тем не менее, в системах литературного языка и диалектов не тождественны: их семантический объем может не совпадать даже в случае общей денотативной соотнесенности (см.: [Гриб, 1988; Загоровская, 1989; Ильинская, 1999 и др.]). Довольно часто несовпадение или неполное совпадение семантических структур общерусского слова в разных стратах национального языка обусловлено культурным дискурсом, в котором слово функционирует. Семантика литературного слова отражает типы дискурсов и, соответственно, миропонимание прежде всего «письменной», или, по выражению Н. И. Толстого, «элитарной культуры» [Толстой, 1995б, с. 17], в основе которой картина мира образованного слоя русской нации, формирующаяся в том числе и под влиянием научного познания. Семантика соответствующего диалектного слова отражает типы дискурсов и интерпретацию действительности народной культуры, в основе которой традиционная картина мира, ориентированная на бесписьменную коммуникацию, эмпирическое познание и передачу архаических смыслов. Такими общерусскими словами, обнаруживающими различия на семантическом уровне и отражающими специфику народного мировидения, являются слово *время* и его производные *временный*, *временной* и др.

2. Категория времени в культуре и языке

Время и пространство относятся к самым изученным категориям в культуре и в народной культуре, в частности. Им посвящено множество работ, в которых детально рассматриваются особенности восприятия времени в русской языковой картине мира. Довольно разработанным и исследованным является семантическое поле «Время» в славянских, в том числе и русском, языках (см., напр.: [Яковлева, 1994; Логический анализ языка, 1997; Калиткина, 2014]). Тщательно описанным является и представление о времени в народной культуре. В народном понимании время неоднородно — с одной стороны, это биологическое (природное) время, которое носит циклический характер, а с другой — историческое (жизненное) время, которое воспринимается линейно (от начала и до конца) (см.: [Толстая, 1995]).

3. Лексема *время* в общенародном языке

Слово *время*, как известно, является церковнославянским, а значит, имеет книжное происхождение в русском языке (на его церковнославянское происхождение указывает южнославянское неполногласие). В древнерусском языке, точнее, в памятниках древнерусской письменности сло-

ва *время* и *временный* имеют большой спектр семантических вариантов: *время* — отрезок времени, период, пора, срок (указанное время), время года, подходящий, удобный момент, возраст, погода, год, форма глагола, долгота слога [СРЯ XI—XVII, вып. 3, с. 108—109]; *временный* — земной, не вечный, человеческий (о жизни), своевременный, происходящий в надлежащее время [СРЯ XI—XVII, вып. 3, с. 107—108].

В современном русском литературном языке лексема *время* также является многозначной [БТСРЯ, с. 157]. Однако в семантической организации этого слова обнаруживается тенденция к специализации значения. Слово используется для выражения идеи протяженности, длительности и последовательной смены временных отрезков. Свободными лексическими значениями, однако, являются только терминологические значения: 1. Филос. Одна из основных форм существования материи, проявляющаяся в длительности бытия. 2. Лингв. Форма глагола, указывающая, что действие или состояние относится к настоящему, прошедшему или будущему в отношении к моменту речи. Для выражения других значений в русском литературном языке требуются либо необходимые определения (лексические или лексико-грамматические конкретизаторы в контексте), либо конкретная грамматическая форма или синтаксическая конструкция, реализующие морфологически связанные или синтаксически обусловленные лексические значения, например: *в это / то время* ‘отрезок времени’, *свободное время, будет время* и т. п. ‘досуг, промежуток в последовательной смене часов, дней, не занятый делом, работой, свободный от обычных обязанностей’, *теплое, дождливое, ненастное* и т. п. *время* ‘погода, состояние воздуха’, *время года* ‘период годового цикла’, *времена* ‘эпоха, период (в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества)’ и т. п. Что касается прилагательных, то они в современном литературном языке довольно точно дифференцированы: *временный* — ‘длящийся, существующий или действительный в течение известного срока (противопоставляется слову *постоянный*)’ и *временной* — см. *время* [БТСРЯ, с. 157], то есть относящийся ко времени.

4. Лексема *время* в русских говорах

В русские говоры слово *время* и его производные проникли из книжной речи. Они вытеснили восточнославянский вариант *веремея*, который сейчас, хотя и довольно редко, встречается еще в русских говорах: *Да вот тут вереме-то плохое было* [АОС, вып. 3, с. 108]. Однако то, что слово *время* и его производные *временный*, *временной* и др. освоились в народной речи, говорит тот факт, что они употребительны во всех русских говорах,

и во многих говорах эти слова сохранили архаические славянские (в том числе древнерусские) «смыслы». Более того, как показал анализ, эти слова аккумулировали в своей семантике народные представления о правильной (образцовой) человеческой жизни.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

В древнем народном понимании время — это категория человеческого мира, человеческой культуры в противоположность потусторонней действительности, миру хаоса, где отсутствует всякая дискретность — и временная, и пространственная [Толстая, т. 1, с. 450]. Здесь надо заметить, что в народном сознании время и пространство — неразделимые категории, образующие пространственно-временное единство. По замечанию В. В. Колесова, «нигде так хорошо, как в осознании времени, не проявляются особенности русской ментальности в диалектическом их противоречивом состоянии. Пространство создает времена, и время — то же пространство, только не вширь, а вглубь» [Колесов, с. 254]. Эта идея неразрывного единства времени и пространства отражена в лексическом значении севернорусского слова *время* — ‘промежуток, расстояние’: арх. *Сверху таки плавочки сделаны вот через тако время, чтоб не уходили; Там таки веревочки вот через тако время* [СГРС, вып. 2, с. 198], где пространственная характеристика длины совмещается с временной длительностью.

ВРЕМЯ КАК МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В народном понимании время как категория человеческого мира может метонимически выражать саму жизнь человека. Слово *время* в русских говорах используется в значении ‘жизнь’. Такое значение отмечается в севернорусских (архангельских) и сибирских говорах, например: *время* ‘жизнь, существование’ [АОС, вып. 6, с. 23], или *Время на время не сменяешь*, то есть ‘жизнь не выбирают’ [СГРС, т. 2, с. 198], или *на моем време* ‘при моей жизни’ (том.) [СРНГ, вып. 5, с. 192]. Однако наблюдения над значениями слова *время* и его производных *временный*, *временной*, *временник*, *времениться* и др. в русских говорах позволяют уточнить народные представления об этом понятии.

В традиционной культуре время — это не весь период жизни. Время — это период зрелости, пик развития человека, после которого начинается процесс угасания. Подтверждением этому являются значения диалектных слов и выражений. Приведем примеры: *Во времени, во време* — ‘в зрелом возрасте’: *Мама ешио во времени была, не вышла из возраста; До самой пенсии человек считается во времени* [СПГ, вып. 1, с. 125]; *Папа у нас стал во време* [АОС, вып. 6, с. 23]; *Мужик-от во време, конечно, ему баба нужна, своя-то здоровьем всё скудатся, вот и бегат ко чужим, во*

времени ведь, временной мужик [КСГЛ]; *Ну годов сорока, сорока пети — это временный, старик-то старый, молодой дак молодой, а это называется годов петидесяти, дак это уж временной* [КСГЛ]; *Временник — бабы-временники годов 30—40* [АОС, вып. 6, с. 26].

Как можно заметить, народные представления о времени, то есть человеческой или животной зрелости, связаны с репродуктивным периодом, возможностью и готовностью иметь потомство. Об этом могут свидетельствовать следующие диалектные слова и выражения: *на времени(-е) 'на выданье'*: *Девка-та уж на времени, девке двадцать пять, ей пора замуж* [НОС, с. 134], *У моего парень был на времени, уже жениться пора* [СГКСО, вып. 1, с. 242]; *временной* 'плодовитый, дающий большое потомство': *временная козонька, временные коровы* [АОС, вып. 6, с. 26]. Сюда же можно отнести и лексему *временное* 'менструация' (моск., калуж., орл., вятск., арх.) [СРНГ, вып. 5, с. 191], называющую один из признаков половой зрелости женщины. В ярославских говорах наречие *на времени* означает 'о приближении срока отела', что отражает представление о высшей точке репродуктивного развития, результатом которого является рождение потомства [СРНГ, вып. 5, с. 192].

Именно это зрелое время в народном понимании и есть ядро, суть жизни и сама собственно жизнь. До времени зрелости — это период становления человека, характеризующийся отсутствием важных для человеческой жизни свойств (*незрелый, а потому непригодный и даже негодный*), и в народной культуре дети и отроки — это еще недолюди¹. После завершения времени зрелости наступает период утраты человеческих свойств. Старость тогда понимается как лишение времени, ср.: *Здоровья мало, годы ушли — без время теперь* 'о старости' [АОС, вып. 6, с. 24]. Можно сказать, что отрезок жизненного «времени» — это период «явности» человека: до и после этого периода человека как будто и нет, сначала он еще не имеет человеческих «очертаний», а после он теряет их (ср. известную поговорку *стар да мал*, сопрягающую ребенка и старика). Характерно, что и тем, и другим в народной культуре приписываются потусторонние свойства и сверхъестественные способности, в свою очередь объединяющие ребенка и старика с мифологическими персонажами, представителями иного, невидимого мира. Народная мысль о «явности» (видимости, слышимости и осязаемости) человеческого мира получила развитие в севернорусском производном слове *времениться* со значением 'появляться, становиться видным иногда, время от времени': *временится другой берег при хорошей погоды* [АОС, вып. 6, с. 26].

1 В архаических культурах время перехода в зрелое состояние отмечалось обрядами инициации, после которых подростки знаково переходили в другой социальный статус.

ВРЕМЯ И ВРАЩЕНИЕ (ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ)

Народное сознание воплотило идею изменения жизненного статуса человека от созревания к зрелости и от зрелости к угасанию в действии переворачивания (пре-вращения). Русские говоры обнаруживают значения, связанные с мыслью об изменении, замене одного на другое, у общерусского слова *переворачиваться / перевернуться*: ‘замениться другим, перемениться (о власти, управлении)’: *Ох, друг, горя тянуло и у меня: был в японску войну, в германску, потом ковиди власть-то перевернулась, мы зажили* (волог.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]; ‘сделаться иным, сильно перемениться (о речи)’: *Я, бывало, культурна была, а теперь весь язык перевернулся* (арх.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]. Примечательно, что перевернуться (превратиться), по народным представлениям, — это как раз перейти границу между своим и чужим миром, поочередно меняя человеческие и нечеловеческие свойства: *Тогда налим опять в ребенка перевернется* (сказка) (перм.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]; *Она перевернулась лягушкой* (арх.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]. Изменение жизненного статуса отражено в значении диалектной лексики *перевернуться* — ‘умереть, подохнуть’: *Кошка-то мухомора наелась, дак сразу и перевернется утром* (арх.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]; *Давление было больше. Кабы рак был, то давно бы перевернулась* (рус. бурят.) [СРНГ, вып. 26, с. 46]. Отмечается значение ‘меняться’ и у слова с корнем *-врем-* в народной речи: *Временился — будет смена погоды* [АОС, вып. 6, с. 26]. Можно в этом случае утверждать, что говоры сохранили и развили древнейшую семантику этимологического корня **vert / *vort*, общего у слов *перевернуться* и *время* и отражающего архаические представления о времени как о чередѣ постоянно сменяющихся (вращающихся) периодов.

ВРЕМЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НОРМЕ

Период наивысшего расцвета и зрелости, время, будучи знаковым представителем всей жизни человека, может в народном сознании рассматриваться как идеальная модель человеческого существования, которая лежит в основе нормы. Поэтому представление о времени символически связано с понятиями уместности, соразмерности и годности. Вероятно, это свойство времени в русской картине мира обусловило появление в народной речи следующих слов и значений: *времѣнный* ‘соразмерный с силами, возможностью’: *хорошо, когда дети времѣнные, а то как нечем кормить; времѣнные — это посильные* [ПОС, вып. 5, с. 41]; *временной* ‘адекватный, разумный’: *временной человек-от, понимает* [АОС, вып. 6, с. 26]¹, *временно* ‘вовремя’: *деньги дают временно, вот они и подходяще живут* [В.-Уст.

1 Ср.: Стар да мал — дважды глуп [Михельсон].

СГРС, т. 2, с. 198], *быть на времени* ‘иметь подходящий случай, благоприятное стечение обстоятельств’ [АОС, вып. 6, с. 25].

Время в народном понимании — это кульминация человеческой жизни, подходящий момент и точка отсчета, в проекции на которую оцениваются все события в жизненном «пространстве». То, что произошло вовремя (во время), оценивается как счастье и проявление благополучия. Такое представление о времени нашло выражение в диалектном значении слов *время* ‘счастье, довольство, достаток, благосостояние, благополучие’: *он живет во времени* (курск., яросл., арх.) [СРНГ, вып. 5, с. 192]; *во времени* ‘в благоприятных условиях’: *ловили большие окуня, когда во времени жили* [СГКСО, вып. 1, с. 242]. Соответственно, то, что произошло не вовремя, оценивается как несчастье, влекущее неблагоприятные для человека последствия. Отражением этой идеи являются такие лексемы, как *до времени* ‘заранее, преждевременно’ [АОС, вып. 6, с. 24], ‘раньше, когда не настал час что-то делать’ [НОС, с. 134], *поза времени* ‘потом, попозже’ [АОС, вып. 6, с. 24], *без времени* и *безвременье* ‘неподходящий момент’ [АОС, вып. 6, с. 24], *не в свое время, не до время* ‘не вовремя, не тогда, когда следует’: *его родила не до время, а он теперь недоговаривает* [АОС, вып. 6, с. 24].

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДИСКРЕТНОСТИ ВРЕМЕНИ

Время в народном понимании, будучи категорией человеческого мира (пространства), не является постоянным и непрерывным, оно, в отличие от мира (пространства) хаоса, принципиально дискретно, и его дискретность есть результат никогда не останавливающегося развития — от периода неспелости / незрелости к периоду увядания / угасания. В связи с этим время имеет свойства возникновения и исчезновения. Это значит, что и у времени есть свой срок, ср. такие выражения — *время на исходе, на утрате, на проходе* ‘о старости’ [СРНГ, вып. 5, с. 192] или *время еще не пришло*. Отсюда развитие известного и литературному языку, и диалектам значения ‘рассчитанный на определенный срок, непостоянный’, выражающегося в лексемах *временный, времянка, временик* и т. п. Однако этот срок отведен человеку, и он должен его прожить, иначе он не может считаться «полноценным». Если человек умирал *раньше времени*, не пройдя «жизни магический круг», то он в традиционных представлениях считался «заложным покойником», опасным, способным нанести вред живым (см.: [Толстой, 1995; Зеленин, 1995]).

ВРЕМЯ, ГОД И ПОРА

Очевидно, что семантика диалектной лексемы *время* соотносится с этимологическим значением слова *год*, которое также, обозначая временной промежуток, в народном сознании связывалось с ожидаемым (годным) периодом благополучия, зрелой поры, спелости: слова *год, годный*

и *ждать* этимологически родственны. Примечательно, что слово *время* в древнерусском языке употреблялось и в значениях ‘год, погода’ [СРЯ XI—XVII, вып. 3, с. 108], выражая прежде всего мысль об ожидаемом, желаемом благополучном времени. В современном русском языке слово *время* также может использоваться в значении ‘погода’, выражая обобщенное понятие о любом состоянии воздуха, а не только о благоприятном для человека периоде. В словах *время* и *погода* сходным образом произошло расширение лексического значения, что изменило их лексико-семантическую дистрибуцию: для выражения этого значения необходимо уточнение — *теплая (ое), дождливая (ое) и т.п. погода / время*.

Еще одним словом, которое знаково сопрягается со словом *время*, является слово *пора* и его производные, например, наречие *впору*, выражение *чья-то пора* (*пора дождей, пора волка* и пр., то есть благоприятная для субъекта обладания) и *в самой поре* ‘в расцвете лет’. Известно, что в русском фольклоре лексемы *время* и *пора* образовывали репрезентативную пару — *пора-время / пора-времечко*, выражая идею о периоде, наиболее подходящем и благоприятном для человека. Приведу лишь один показательный пример:

*Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,
Господь Бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любви держат;
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися...*

[Кирша Данилов, 1977, № 33, с. 157].

Можно предположить, что лексема *время*, находясь в одной лексико-семантической парадигме со словами *год* и *пора* и этимологически выражая мысль о периоде как о результате вращения (превращения, переворачивания) жизненного цикла человека, еще в древности «стянула» к себе семантические элементы ‘зрелость’ (‘спелость’) и ‘благополучная (годная) доля’. Семантику диалектного слова *время* и производных от него слов можно рассмотреть как результат аккумуляции этимологических значений слов *год* и *пора*.

5. Заключение

Таким образом, анализ значений общерусского слова *время* в разных страгах русского национального языка обнаружил отсутствие семантиче-

ской тождественности между литературным и диалектным словом. Эти различия семантического объема слов обусловлены прежде всего особым пониманием времени в книжно-письменной и устной традиционной культурах.

Источники и принятые сокращения

1. АОС — *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва, 1980—2015. — Вып. 1—16.
2. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. — Норинт : Санкт-Петербург, 2000. — 1536 с.
3. Кирша Данилов — *Древние* Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / ред. М. П. Алексеев [и др.]. — Москва : Наука, 1977. — 488 с.
4. КСГЛ — *Картошка* Словаря говора села Лойма Прилузского района Республики Коми. (Научно-образовательный центр «Духовная культура европейского севера России», Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина).
5. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь : свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Академия наук, 1896—1912. — Т. 1—2 : Ходячие и меткие слова : сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. — 2208 с.
6. НОС — *Новгородский* областной словарь / ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова ; издание подготовлено А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с.
7. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. — Санкт-Петербург, 1967—2016. — Вып. 1—26.
8. СГКСО — *Словарь* говоров Карелии и сопредельных областей : в 5 выпусках / ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994—2005.
9. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / ред А. К. Матвеев. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001—2014. — Т. 1—6.
10. СПГ — *Словарь* пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
11. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров : в 49 томах / ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2015. — Вып. 1—49.
12. СРЯ XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII. — Москва : Наука, 1975—2015. — Вып. 1—30.

Литература

1. *Гриб Р. Т.* Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком) / Р. Т. Гриб — Красноярск : КрГПИ, 1988. — 1087 с.
2. *Загоровская О. В.* Семантика диалектного слова / О. В. Загоровская. — Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет, 1989. — 60 с.

3. *Зеленин Д. К.* Избранные труды / Д. К. Зеленин. — Москва : Индрик, 1995. — Т. 2 : Очерки русской мифологии : умершие неестественной смертью и русалки. — 430 с.
3. *Ильинская Н. Г.* Общерусское слово в диалектной системе : из наблюдений над лексикой говора д. Тырпасовской Вилегодского района Архангельской области / Н. Г. Ильинская // *Язык, сознание, коммуникация : сборник статей* / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва, 1999. — Вып. 7. — С. 115—121.
5. *Калиткина Г. В.* Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени / Г. В. Калиткина // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2014. — № 6 (32). — С. 17—36.
6. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2007. — 619 с.
7. *Логический анализ языка : язык и время* / ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. — Москва : Индрик, 1997. — 351 с.
8. *Толстая С. М.* Время / С. М. Толстая // *Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах* / ред. Н. И. Толстой. — Москва : Международные отношения, 1995. — С. 448—452.
9. *Толстой Н. И.* Жизни магический круг / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. *Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. — Москва : Индрик, 1995a. — С. 223—233.
10. *Толстой Н. И.* Язык и культура / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. *Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. — Москва : Индрик, 1995b. — С. 15—26.
11. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — Москва : Гнозис, 1994. — 343 с.

Traditional World-View in Dialect Semantics of Russian Word *время*

© **Bunchuk Tatyana Nikolayevna (2017)**, orcid.org/0000-0001-7597-2726, PhD in Philology, associate professor, Head of Department, Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russia), tn-bunchuk@mail.ru.

The all-Russian lexeme *время* and its derivatives in the dialects of the Russian language are considered. The author believes that the semantic volume of the word, well-known to the literary language, and its dialectal counterparts may not be identical due to different discursive conditions generated by the culture. The relevance of the study is determined by the increased attention in modern linguistics to the problems of reflection of traditional culture in the language, as well as the issues of diachronic description of the vocabulary of the Russian language and the history of particular words. Based on the analysis of lexical-semantic variants of the word *время* and meanings of the words

with *-врем-* root in Russian dialects the understanding of time in traditional culture is refined. It is reported that the word *время* in the traditional sense names not the whole period of human life from birth to death, but only the period of biological maturity associated with the ability to procreate. It is proved that the period of maturity in the people's culture and language is assessed as a period of prosperity, which becomes the basis for the submission of the norm in human life and a landmark in the awareness of the life space of a person. It is established that the semantics of the Russian word *время* has accumulated the most ancient etymological meanings of the words *год* and *пора*.

Key words: dialect; common Russian word; traditional culture; picture of the world; semantics; *время* 'time'; *год* 'year'; *пора* 'pore'.

Material resources

- AOS — Getsova, O. G. (ed.) 1980—2015. *Arkhangelskiy oblastnoy slovar'*. Moskva. 1—16. (In Russ.).
- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). 2000. *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Norint: Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Kirsha Danilov — Alekseev, M. P. [et al.]. (eds.). 1977. *Drevniye Rossiyskiye stikhotvoreniya, sobrannyye Kirsheyu Danilovym*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- KSGl — *Kartoteka Slovarya govora sela Loyma Priluzskogo rayona Respubliki Komi*. (Nauchno-obrazovatelnyy tsentr «Dukhovnaya kultura yevropeyskogo severa Rossii», Syktyvkarskiy gosudarstvennyy universitet imeni Pitirima Sorokina). (In Russ.).
- Mikhelson, M. I. 1896—1912. *Russkaya mysl i rech: Svoye i chuzhoje: opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy, 1—2: Khodyachiye i metkiye slova: sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazheniy i otdelnykh slov*. Sankt-Peterburg: Akademiya nauk. (In Russ.).
- NOS — Klevtsova, A. V., Petrova, L. Ya. (eds.). 2010. *Novgorodskiy oblastnoy slovar'*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- POS — *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi*. 1967—2016. Sankt-Peterburg. 1—26. (In Russ.).
- SGKSO — Gerd, A. S. 1994—2005. *Slovar' govorov Karelii i sopredelnykh oblastey, 5*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
- SGRS — Matveyev, A. K. 2001—2014. *Slovar' govorov Russkogo Severa*. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta. 1—6. (In Russ.).
- SPG — Borisova, A. N., Prokosheva, K. N. (eds.). 2000—2002. *Slovar' permskikh govorov*. Perm': Knizhnyy mir. 1—2. (In Russ.).
- SRNG — Filina, F. P., Sorokoletova, F. P., Myznikova, S. A. (eds.). 1965—2015. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 49*. Moskva; Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka. 1—49. (In Russ.).
- SRYa XI—XVII — *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII*. 1975—2015. Moskva: Nauka. 1—30. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D., Yanko, T. E. (eds.). 1997. *Logicheskiy analiz yazyka: yazyk i vremya*. Moskva: Indrik. (In Russ.).

- Grib, R. T. 1988. *Osobennosti strukturno-semanticheckoy sistemy priyeniseysskikh govorov (sravnitel'no s literaturnym yazykom)*. Krasnoyarsk: KrGPI. (In Russ.).
- Ilyinskaya, N. G. 1999. Obshcherusskoye slovo v dialektnoy sisteme: iz nablyudeniya nad leksikoy govora d. Tyrpasovskoy Vilegodskogo rayona Arkhangelskoy oblasti. In: Krasnykh, V. V., Izotov, A. I. (eds.). *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey*. Moskva. 7. (In Russ.).
- Kalitkina, G. V. 2014. Kognitivnaya metafora konteynera i lingvokulturnaya spetsifika kontseptualizatsii vremeni. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 6 (32): 17—36. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. 2007. *Russkaya mentalnost' v yazyke i tekste*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. 1995. Vremya. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*, 5. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. 1995b. Yazyk i kultura. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Yazyk i narodnaya kultura: ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. 1995a. Zhizni magicheskiy krug. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Yazyk i narodnaya kultura: ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Yakovleva, E. S. 1994. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Zagorovskaya, O. V. 1989. *Semantika dialektного slova*. Syktyvkar: Syktyvskarskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Zelenin, D. K. 1995. *Izbrannyye trudy, 2: Ocherki russkoy mifologii: umershiye neyestestvennoy smertyu i rusalki*. Moskva: Indrik. (In Russ.).